

Фойницкий Иван Яковлевич

**О вознаграждении невинно к суду
уголовному привлекаемых**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
И17

И17 **Иван Яковлевич Ф.**
О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых / Фойницкий Иван Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2025. – 112 с.

ISBN 978-5-521-28468-9

ISBN 978-5-521-28468-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Вредъ, отъ привлеченія къ суду и показанія невинныхъ происходящій.
 - II. Предупрежденіе его.
 - III. Вознагражденіе частное. Отвѣтственность частныхъ лицъ.
Отвѣтственность должностныхъ лицъ.
 - IV. Исторія идеи государственнаго вознагражденія.
 - V. Идеальное государственное вознагражденіе.
 - VI. Матерьяльное государственное вознагражденіе невинно наказанныхъ.
 - VII. Матерьяльное государственное вознагражденіе невинно къ суду привлеченныхъ. Ошибочныя аналогіи.
 - VIII. Доказательства въ пользу его, какъ государственнаго пособія нуждающимся. Анализъ возраженій.
 - IX. Личныя условія такого пособія. Невинность по обвиненію.
Невинность процессуальная. Нужда.
 - X. Объемъ вреда, подлежащаго вознагражденію. Размѣръ пособій.
 - XI. Порядокъ опредѣленія пособій.
 - XII. Возможность доставленія пособій со стороны финансовой.
Заключеніе.
-

Pufendorf, Le droit de la nature et de gens, Amsterdam, 1712 (издание Barbeyrac'a), т. II стр. 373.

Brissot de Warville, Le sang innocent vengé, ou discours sur les réparations dues aux accusés innocents, couronné par l'academie des sciences et belles-lettres de Chalons-sur Marne, le 25 août 1781 (перепечатано въ сочинении Brissot. Théorie des lois criminelles, Paris 1836, т. 2 стр. 305—372).

Pastoret, Des lois pénales, Paris 1790, т. 2 ч. 4 стр. 116 и слѣд.

Bentham, Principles of penal Law. изд. Bowring'a 1843 г., vol. I.

Verhandlungen der deutschen Juristentage: XI т. I (рефераты Вальберга, Ульмана и Фалерта) и т. 2 стр. 170—208 (пренія); XII т. I стр. 46 (рефератъ Ниссена), т. 2 стр. 329 (рефератъ Кэстлина) и т. 3 стр. 116—153, 308—313 (пренія); XIII т. 2 стр. 259—297, 429, 430.

Heinze, Das Recht der Untersuchungshaft, Leipzig 1865.

Zucker, die Untersuchungshaft, III Abt. Prag 1879, стр. 134—147.

Geyer, въ Nord und Süd, XVIII стр. 167—184; въ Deutsche Zeit und Streit-Fragen. № 169 (über die den unschuldig angeklagten oder Verurtheilten gebührende Entschädigung), Berlin 1882; въ Gerichtsaal, т. 34 стр. 321—342.

Ullmann, въ Gerichtssaal, т. 27 стр. 81—92.

Schwarze, въ Gerichtssaal, т. 34 стр. 100—145.

Kronecker, die Entschädigung unschuldig Verhafteter, Berlin, 1883.

Совѣтъ с.-петербургскаго юридическаго общества почтилъ меня лестнымъ приглашеніемъ произнести рѣчь въ собраніи, посвященномъ празднованію шестой годовщины общества. Всего болѣе достойнымъ вниманія моихъ уважаемыхъ слушателей, собравшихся 20 февраля, я нашелъ вопросъ о вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ, который занимаетъ уже лучшіе русскіе умы. На него откликнулись уже нашъ народный поэтъ и нашъ симпатичный труженикъ — сенаторъ, оба сошедшіе въ могилу! Указанія на него слышатся со скамьи русскихъ присяжныхъ засѣдателей и съ трибуны адвокатской. Русская мысль уже поставила себѣ этотъ вопросъ и пытливо ищетъ отвѣта на него. Юридическая техника, думалъ я, должна поторопиться придти на помощь столь настоятельному запросу со стороны общества изыскавъ пути и порядокъ наиболѣе благопріятнаго рѣшенія этой важной проблемы современности.

I.

Тяжелый вредъ испытываетъ лице, невинно наказываемое. Переносимыя имъ душевныя страданія, сопровождающій его позоръ общественный, образуютъ идеальную сторону такого вреда, составляющую обычный спутникъ неправильныхъ судебныхъ приговоровъ. Но, кромѣ того, вредъ отъ наказанія можетъ выражаться и въ матеріальной формѣ, въ сокращеніи имущественной сферы наказываемаго; такой матеріаль-

ный вредъ бываетъ или уцербомъ (*damnum emergens*), доказать который въ данномъ случаѣ очень трудно, или убытками (*lucrum cessans*), прямо или косвенно происшедшими отъ факта наказанія: потеря заработка, разстройство хозяйства и т. под.

Но не только окончательный судебный приговоръ имѣетъ способность причинять вредъ: то-же свойство, несмотря на всѣ послѣдовавшія улучшенія въ законодательствахъ и практикѣ, принадлежитъ и болѣе раннимъ актамъ судебно-уголовной дѣятельности. Въ большей или меньшей степени, всякое привлеченіе къ суду, особенно же если оно обращается къ столь рѣшительнымъ мѣрамъ принужденія, какъ подслѣдственное задержаніе, создаетъ на сторонѣ привлекаемаго къ суду и вредъ идеальный, нравственный, и даже вредъ имущественный. Съ подсудимостью и законъ, и еще болѣе общественное мнѣніе, соединяють до сихъ поръ весьма невыгодныя для подсудимаго послѣдствія, и порою достаточно побывать на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы безповоротно утратить прежнія средства существованія и прежнее общественное положеніе. Въ другихъ случаяхъ послѣдствія не столь тяжелы, но безъ риска ошибиться можно сказать, что эта скамья на всѣхъ на ней посидѣвшихъ оставляетъ частичку позора и невыгодныхъ экономическихъ послѣдствій.

Если, такимъ образомъ, наличие вреда, какъ возможнаго послѣдствія привлеченія къ суду, едва ли можетъ быть оспариваема, то настолько-же внѣ сомнѣнія стоитъ и возможность привлеченія къ суду, и даже наказанія по судебному приговору, такихъ лицъ, которые оказываются невинными. Примѣрами судебныхъ ошибокъ, къ сожалѣнію, богаты хроники уголовныхъ трибуналовъ всѣхъ странъ міра. Неизбѣжность ихъ лежитъ въ несовершенствѣ человѣческихъ средствъ распознаванія истины и въ необходимости судебной дѣятельности, которая должна совершаться по возможности быстро. Ей указаны довольно тѣсные предѣлы во времени и пространствѣ, въ объемѣ матерьяла и въ способахъ какъ полученія, такъ и изслѣдованія его; при существованіи этихъ предѣловъ, вѣроятность ошибки перестаетъ быть простою случайностью и

становится достовѣрностью, которая должна быть принята во вниманіе при организаціи общественныхъ отношеній.

Разсматриваемый съ правовой точки зрѣнія, фактъ вреда порождаетъ двѣ идеи: идею *предупрежденія* и идею *вознагражденія*. Одна требуетъ совершеннаго предотвращенія вреда, или, по крайней мѣрѣ, наибольшей умѣренности въ причиненіи его. Другая направляется къ устраненію послѣдствій вреда причиненнаго. Приложимость этихъ идей, преимущественно же послѣдней изъ нихъ, къ факту вреда, отъ привлеченія къ суду невинныхъ проистекающаго, составляетъ задачу пастоящаго изслѣдованія.

II.

Выше замѣчено, что ошибка неизбѣжно сопровождается судебную дѣятельность. Но это—печальная, отнюдь не желательная неизбѣжность, и всѣ мѣры, направленные на возможное ограпиченіе ея, составляютъ предметъ важнѣйшихъ заботъ и науки права, и законодательства.

Огромную важность имѣютъ онѣ и въ области интересующаго насъ вопроса. Устранить послѣдствія вреда, причиненнаго привлеченіемъ невиннаго къ суду уголовному, въ большей части случаевъ невозможно. Нѣтъ той цѣнности, которая могла бы выкупить душевныя страданія, начавшіяся для человѣка послѣ того, какъ за нимъ закрылись тюремныя запоры; позоръ судимости, отчаяніе семьи привлеченнаго къ суду, душевныя тревоги его близкихъ и его самого, никогда и ничѣмъ не могутъ быть вполне искуплены. Оттого-то мѣры вознагражденія за вредъ, отъ привлеченія къ суду проистекающій, всегда будутъ недостаточны, всегда останется нѣчто, ими неискупленное; оттого-же мѣры предупрежденія такого вреда получаютъ здѣсь крайне важное значеніе.

Въ пріисканіи такихъ мѣръ и состоитъ задача процессуальныхъ улучшеній. Много уже сдѣлано по этому вопросу состоявшимися реформами, частью для предупрежденія неправильныхъ приговоровъ, частью для возможнаго сокращенія объема вреда, отъ привлеченія къ суду проистекающаго.

Такъ, всякое улучшеніе уголовнаго процесса имѣетъ своею задачею возможное обезпеченіе правильности судебного приговора. Этому дѣлу служатъ: гласность и устность суда, независимость судей, допущеніе сторонъ въ судебное-уголовное производство и предоставленіе имъ равноправности передъ судомъ, процессъ пересмотра судебныхъ рѣшеній и т. под. Каждая изъ этихъ мѣръ имѣетъ въ виду правильность суда, и несомнѣнно, что совокупностью ихъ вѣроятность неправильнаго приговора, осуждающаго невижнаго, значительно уменьшается. При томъ, не только вѣроятность окончательнаго приговора, но даже вѣроятность самого привлеченія къ суду, надлежащимъ образомъ функционирующему, неосновательныя обвиненія найдутъ доступъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ къ трибуналу произвола, дѣйствующему въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи и безъ участія сторонъ.

Помимо этого, цѣлый рядъ правилъ, составляющихъ характеристическую черту новаго судебного порядка, стремится къ возможно большому смягченію тѣхъ мѣропріятій, которыя принимаются противъ подсудимаго до осужденія его. Пытка и все на нее намекающее, отмѣнены; условія привлеченія къ суду точно указываются въ законодательствѣ; тоже стремленіе къ точности замѣчается въ указаніи условій примѣненія отдѣльныхъ мѣръ слѣдственнаго принужденія, напр. привода, личнаго задержанія и т. под.; законодатель стремится въ самомъ обществѣ расшатать взглядъ на привлеченіе къ суду какъ на нѣчто позорное, избѣгая давать позорящія названія мѣстамъ слѣдственнаго заключенія, предоставляя заключеннымъ въ нихъ права, въ которыхъ онъ отказываетъ наказываемымъ. Все это, въ совокупности, значительно уменьшаетъ идеальный вредъ, отъ привлеченія къ суду происходящій, устанавливая раздѣльность между судимостью и карой, и устраняя отъ первой тотъ позоръ, который сопровождаетъ вторую.

Несмотря, однако, на всѣ эти улучшенія, случаи осужденія невижныхъ продолжаютъ заноситься въ судебныя хроники и самое привлеченіе къ суду остается еще крайне тя-

желымъ лишеніемъ для привлекаемаго. Вполнѣ предупредить предъ, насъ интересующій, оказывается невозможнымъ. Для вдеи вознагражденія за него остается еще весьма достаточное мѣсто.

III.

Въ ранніе эпохи исторіи процесса, проникнутые идеями состязательности, всего естественнѣе было обязанность вознагражденія возложить на отдѣльныхъ лицъ, по винѣ которыхъ состоялось привлеченіе къ суду или даже наказаніе невиннаго. Въ такой постановкѣ, рассматриваемая обязанность получаетъ характеръ *личной отвѣтственности* виновнаго передъ потерпѣвшимъ, которая мыслима въ двухъ формахъ: а) какъ отвѣтственность частнаго лица, и б) какъ отвѣтственность должностныхъ лицъ.

Частныя лица, отъ вины которыхъ можетъ произойти вредъ привлеченія къ суду, суть: обвинитель, доноситель и свидѣтели.

Строго состязательный процессъ, переходящій въ исковой ¹⁾, возлагаетъ на обвинителя, при неудачномъ для него исходѣ дѣла, отвѣтственность по тѣмъ же началамъ, какъ на истца процессъ гражданскій. Свойственная человѣческому уму идея уравниенія, побуждала его даже грозить обвинителю, на случай неудачи, весьма тяжкими личными лишеніями, иногда по правиламъ тальона. Но по мѣрѣ того, какъ въ уголовный процессъ проникаетъ публичное начало, кладущее рѣзкую грань между уголовнымъ и гражданскимъ производствомъ, такое перенесеніе правилъ гражданско-процессуальной отвѣтственности на уголовныхъ обвинителей, становится невозможнымъ. Государственный интересъ наказанія виновныхъ требуетъ, чтобы частныя лица по возможности охотно принимали на себя обязанности обвинителя; для этого необходимо возможное

¹⁾ Исковая форма соответствуетъ частному началу гражданского процесса; построенный на публичномъ началѣ процессъ уголовный можетъ представлять или смѣшеніе процессуальныхъ функций, или раздѣленіе ихъ; въ первомъ случаѣ, форма его слѣдственная, розыскная, во второмъ — состязательная, обвинительная.

ограниченіе риска отвѣтственности, сведеніемъ ся къ предѣламъ вины, доказанной на сторонѣ обвинителя. Этимъ соображеніемъ руководится и наше законодательство, предлагающее правила объ отвѣтственности частныхъ лицъ какъ въ законахъ гражданскихъ (ст. 644, 665 т. X ч. 1 св. зак.), такъ и въ уставѣ уголовного судопроизводства (ст. 32, 121, 780—783).

По законамъ гражданскимъ, отвѣтственность условливается доказанною по суду уголовному виновностью въ преступленіи или проступкѣ, причинившемъ вредъ и убытки. Правило это одинаково для всѣхъ частныхъ лицъ, отъ дѣяній коихъ произошелъ вредъ, въ какомъ бы качествѣ въ процесѣ они ни фигурировали. Уставъ 20 ноября дополняетъ его, замѣняя условіе уголовной вины условіемъ недобросовѣстности, а для доносителя, т. е. лица, отъ преступленія не потерпѣвшаго и доводящаго о немъ до свѣдѣнія власти, уставъ создаетъ отвѣтственность даже при условіи неосмотрительности. Предѣлы отвѣтственности въ уставѣ, такимъ образомъ, намѣчаются гораздо шире, и для рѣшенія этого вопроса вводится процедура, несравненно болѣе быстрая. Но понятіе „недобросовѣстности“, впервые введенное уставомъ, не получило въ немъ достаточной опредѣлительности, что дало судебной практикѣ поводъ къ черезъ-чуръ узкому его толкованію. Особенно неумѣстно переносить на это новое въ нашемъ правѣ понятіе, остатки устарѣвшей теоріи формальныхъ доказательствъ, лишь по недосмотру сохранившіеся въ ст. 941 улож. о наказ. относительно ложнаго доноса ¹⁾. Нельзя признать правильнымъ и стремленіе судебной практики опредѣлить понятіе недобросовѣстности тѣми признаками, которые требуются закономъ для понятія ложнаго доноса: послѣдній есть преступленіе, строго караемое, первая-же есть дѣятельность, вызывающая только гражданско-правовыя послѣд-

¹⁾ Ст. 941 улож. Доносъ не признается лживымъ и сдѣлавшій его не подвергается наказанію, когда въ разныхъ судахъ были различные о справедливости или несправедливости извѣта приговоры.

ствія. Ложный доносъ есть завѣдомо лживое обвиненіе чловѣка передъ органами судебной власти въ наказуемомъ дѣяніи; недобросовѣстность обвиненія есть понятіе, несравненно болѣе широкое. Законъ (ст. 782 уст. уг. суд.) относитъ къ нему не только искаженіе обстоятельствъ происшествія, не только дачу ложныхъ показаній и подговоръ къ тому другихъ, но и всякое употребленіе обвинителемъ иныхъ незаконныхъ или *предосудительныхъ* средствъ. Оно можетъ относиться или къ содержанію обвиненія, подобно ложному доносу, или къ мотивамъ его, или, наконецъ, къ тѣмъ способамъ, которые были выбраны обвинителемъ; недобросовѣстнымъ можетъ быть и обвиненіе, которое обвинитель прѣдполагалъ правильнымъ, если для поддержанія его онъ прибѣгнулъ къ предосудительнымъ средствамъ или предъявилъ его по предосудительнымъ мотивамъ, не имѣя въ своихъ рукахъ достаточныхъ данныхъ виновности обвиняемаго. Это новое понятіе нашего законодательства можно сблизить съ древнимъ запрещеніемъ русскаго права, относившимся къ людямъ, которые, поклепомъ предъявляя большіе иски, мирятся на малыхъ суммахъ. Въ толкованіи его желательно видѣть какъ можно меньше формализма, такъ чтобы отвѣтственность обвинителя передъ обвиняемымъ была въ дѣйствительности не рѣдкимъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ, непримѣнимымъ тогда лишь, если обвинитель докажетъ, что возбужденное имъ уголовное преслѣдованіе хотя и оказалось несостоятельнымъ, но было имъ предъявлено и ведено добросовѣстно.

Отмѣтимъ наконецъ и крайнюю шаткость нашей судебной практики по вопросу объ уголовной отвѣтственности недобросовѣстнаго обвинителя. Въ началѣ кассационная практика держалась того взгляда, что оправданный подсудимый имѣетъ право преслѣдовать обвинителя, признаннаго недобросовѣстнымъ, искомъ о клеветѣ; затѣмъ, съ рѣшенія 1875 года, по дѣлу Сизаго (№ 572), устанавливается иной взглядъ, по которому недобросовѣстные обвинители могутъ подлежать уголовному преслѣдованію не иначе какъ по закону о ложномъ

доносѣ, въ порядкѣ публичнаго обвиненія; впрочемъ и послѣ этого появлялись рѣшенія, высказывавшіяся за болѣе ранній взглядъ (1875 по дѣлу Шарова, 1875 № 660 по дѣлу Векустинскаго и др.). Едва ли, *во первыхъ*, можетъ подлежать сомнѣнію, что преслѣдованіе обвинителя въ уголовномъ порядкѣ, можетъ имѣть мѣсто и безъ предварительнаго признанія его судомъ за обвинителя недобросовѣстнаго: ни законы о клеветѣ, ни законы о ложномъ доносѣ, не вводятъ этого требованія; вопросъ о недобросовѣстности въ уголовномъ процессѣ поднимается обыкновенно подсудимымъ, которому въ моментъ разбирательства его дѣла важно очиститься отъ подозрѣнія, и этимъ главнымъ интересомъ покрываются всѣ прочіе, какъ второстепенные; за заботой объ оправданіи себя, находясь въ тяжеломъ душевномъ положеніи, онъ можетъ и не вспомнить о принадлежащемъ ему правѣ требовать признаніе обвиненія недобросовѣстнымъ; отъ этаго, конечно, не можетъ уничтожаться преступность дѣйствій обвинителя, законы уголовные нарушившаго. *Во вторыхъ*, въ лживомъ, недобросовѣстномъ обвиненіи заключаются два нарушенія: нарушеніе частнаго права обвиняемаго и нарушеніе публичнаго права государственнаго, преступленіе противъ судебной его власти. Оно представляется преступленіемъ противъ личной чести, осложненнымъ квалифицирующимъ вину обстоятельствомъ учиненія дѣянія передъ лицомъ судебной власти. Согласно такой юридической природѣ лживаго обвиненія, основнымъ, главнѣйшимъ предметомъ его долженъ быть признанъ частный интересъ, которому не можетъ быть отказано въ защитѣ подъ тѣмъ лишь предлогомъ, что виновный вмѣстѣ съ тѣмъ нарушилъ и интересъ публичный. Между тѣмъ, рѣшеніе по дѣлу Сизаго, запрещающее преслѣдованіе лживаго обвинителя по законамъ о клеветѣ, дѣлаетъ такіе отказы неизбежными сплошь и рядомъ. Въ лживомъ обвиненіи можетъ не быть всѣхъ признаковъ ложнаго доноса, напр. по содержанію обвиненія, въ разныхъ судахъ могли состояться различные приговоры; и, тѣмъ не менѣе, дѣяніе можетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ клеветы, какъ завѣдомо ложнаго